2-й экз.

НА ПУТЯХ К НОВОЙ ШКОЛЕ

ОРГАН

НАУЧНО - ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧЕНОГО СОВЕТА

БИБЛИОТЕКА
Институт Красн. Профес
Инв. № 479 г.

ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

№ 10 — 12

ОКТЯБРЬ

1927

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ"
МОСКВА

Р

лено, правда, с трудом, с проволочками, потому что, оценивая дальнейшую работу родившегося в грозные октябрьские дни Наркомпроса РСФСР, надо всегда помнить не только нашу суб'ективную неподготовленность, не только величайшие трудности, вытекавшие и из положения страны, и из состояния революции, но еще и то, что мы были в значительной степени забытым комиссариатом. Дело организации новой власти, дело организации финансовой и хозяйственной опоры для великой обороны против врага стояло впереди нас. Если кто о нас вспоминал, то это Ленин, дорогой и чуткий вождь, к которому прибегали во всех трудных случаях. Когда приходилось слишком горько, когда казалось, что отсутствие средств денежных и человеческих делает положение отчаянным, я отправлялся жаловаться ему, требовать внимания и помощи, добивался того, чего добиться при тогдашних горьких условиях было можно, а вместе с тем видел его спокойную радостную улыбку и слышал от него какую-нибудь из тех замечательных фраз, которые так и остались у меня в сознании, как написанные золотыми буквами, и которые горят там и теперь, фразу вроде такой, например: «Ничего, Анатолий Васильевич, потерпите, когда-то у нас будет только два громадных наркомата: наркомат хозяйства и наркомат просвещения, которым даже не придется ни в малейшей мере ссориться между собою»

А. Луначарский.

НА ЗАРЕ СОВЕТСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ.

(Реформа школы.)

(По личным воспоминаниям.)

Что Октябрьская революция распространила свое действие и на область народного просвещения, это достаточно хорошо всем известно. Нет надобности слишком много слов посвящать развитию того тезиса, что пролетарская власть с первых же дней своего существования не забыла произвести необходимую встряску всей старой системы в деле народного просвещения.

Подобно Парижской коммуне (в другом только масштабе и в другой исторической обстановке) Советское государство прежде всего направило свои усилия к очищению авгиевых конюшен старорежимного просвещенческого уклада путем декретов—достаточно категорических, достаточно решительных и избегающих компромиссной постановки того или иного очередного вопроса по части ломки старого здания. Вместо прежних, сметенных революцией округов с их попечителями, окружными ревизорами, со всеми их бюрократическими придатками в губерниях и уездах положение об организации дела народного образования в Росс. соц. сов. республике устанавливает при Комиссариате народного просвещения сеть отделов и советов народного образования при исполкомах областных, губернских, уездных и волостных. Построен-

ные на демократическом принципе выборности, эти отделы и советы имеют право сноситься с любой высшей инстанцией (вплоть до Госуд. комиссии по просвещению), минуя свою ближайшую инстанцию. Постановлением Совнаркома от 21 января 1918 года преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях и исполнение каких-либо религиозных обрядов в стенах школы не допускается. В феврале 1918 года Наркомпрос издает приказ по своему ведомству приступить к делу организации выборов лиц на все (без исключения) педагогические и административно-педагогические должности. С первых же шагов своей деятельности Наркомпрос декретирует *обязательное совместное* обучение, причем в интересах скорейшего осуществления этого принципа требует от мужских учебных заведений преимущественного принятия на свободные вакансии (в первые четыре класса) учащихся женского пола и в женские—учащихся мальчиков. С «классицизмом» в средней школе советская власть расправляется тоже одним ударом (постановлением об отмене обязательного изучения латинского языка). Отметки (балльная система при оценке познаний и поведения учащихся), форменная одежда, кокарды, значки и знаки, выдаваемые по окончании учебных заведений, а также присвоение ученых степеней тем же порядком отменяются. Короче сказать, там, где казалось возможным простым актом приказа сразу прикончить с тем или иным одиозным пережитком старой практики министерства народного просвещения, это делалось «безжалостным» Наркомпросом неукоснительно.

Но кроме этой, так сказать, декретивной расчистки обширной нивы народного образования от лопуха, крапивы и всяких иных сорных растений, предстояло еще озаботиться делом постройки новой школы, новой системы воспитания детей и насаждения в пролетарской социалистической стране новых методов просвещения масс. Тут уже нельзя было отделаться одними лишь декретами, отнимающими право на легальное существование в стране таких форм в старой политике просвещения, с которыми можно было не церемониться и которые прямо напрашивались на гильотинирование их одним росчерком пера. Еще, например, в ленинградский период работы Наркомпроса (в конце 1917 г.) стали возникать попытки наладить органическую работу по выявлению контуров будущего здания коммунистического просвещения. Около Наркомпроса группировалась кучка так называемых учителей-интернационалистов, мысль которых усиленно работала над проблемами рационального воспитания детей. Группой учителей-интернационалистов руководил Виктор Маркович Познер, и под его председательством происходили оживленные собрания нескольких десятков новаторов школьного дела, горячо споривших о том, какова должна быть школа будущего. Нельзя сказать, чтобы теоретические горизонты этих пионеров новой педагогики были сколько-нибудь ясны, но полеты их мысли были смелы и подчас даже красивы. Помнится, я чувствовал себя в их среде жалким новичком. Мы с Фридрихом Вильгельмовичем Ленгником записались

«по наркомпросовской части» сравнительно поздно—примерно в декабре 1917 года. Там уже кипела своеобразная жизнь. По обширным залам бывшего министерства народного просвещения с важностью прохаживались или суетливо толкались новоявленные столпы советской просвещенческой политики. Секретарь Государственной комиссии—старая партийка т. Адамович, осаждаемая бесчисленными посетителями, требовавшими раз'яснений по насущным для них вопросам, очень часто чувствовала себя совершенно беспомощной, ибо единственным источником ее информаций были беглые, понятные только ей одной, карандашные заметки, претендующие на честь именоваться протоколами Государственной комиссии и никогда не приобретавшие, однако, в те времена сколько-нибудь сформленного вида. Школьная жизнь страны была парализована под взмах дирижерской палочки саботажников из верхушки Всероссийского учительского союза, ожидавшей скорой гибели советской власти и восстановления дооктябрьского режима. А там, в одной из уютных зал Наркомпроса, В. М. Познер предоставлял спокойным, уверенным тоном слово очередному оратору, который, «волнуясь и спеша», торопился выкинуть перед слушателями узоры тех счастливых идей, что пришли ему в голову по вопросу о концентрах в будущей советской школе.

Помню еще, как инициативный и авторитетный Виктор Маркович предложил своей армии учителей-интернационалистов устроить нечто вроде конкурса: конкретно описать и сконструировать тип новой средней школы, которая должна была бы стать образцом будущего школьного строительства. Нашлось несколько человек, подхвативших идею В. М., а в том числе и пишущий эти строки. Если бы меня не смущало то обстоятельство, что я сейчас пишу статью для серьезного журнала, не очень-то признающего уместность и ценность для себя мемуарной лирики, то я с большим наслаждением поведал бы читателю восторги своего творчества, когда строил на бумаге свою среднюю школу. Откровенно признаюсь, что по новости дела я совершенно не был еще знаком тогда с принципами трудовой школы, нашедшими себе место в мировой педагогической литературе за последние десятилетия,—такую же, пожалуй, tabula rasa по части этих принципов, если не ошибаюсь, представляла из себя и педагогическая мысль остальных моих коллег по союзу учителей-интернационалистов. Но педагогическое чутье и коммунистические навыки мысли подсказали мне правильную идею о тех началах, на которых должна быть построена новая школа в пролетарском государстве. В моем проекте идея трудовой школы оказалась довольно-таки выдержанной. Получилась школьная утопия завтрашнего дня хоть куда. И когда конкурсные проекты были зачитаны на торжественном собрании учителей-интернационалистов, мой проект получил на собрании общее признание его правильности и стройности конструкции.

Не знаю, это ли обстоятельство сыграло для меня решающую роли в выборе моей будущей специальности, или по каким-либо иным причинам, но я так или иначе получил от В. М. Познера официальное пред-

ложение организовать отдел реформы школы. Я ревностно принялся за новое дело, но на первых порах смог только подобрать очень небольшую группочку товарищей, выразивших свое желание разделить со мной труд по выработке принципов реформы школы. К сожалению, подобравшаяся таким образом «комиссия» была очень немногочисленной (нас, кажется, было тогда не больше 4 человек) и притом с огромным диапазоном умонастроений. Был среди нас представитель очень умеренных взглядов в деле педагогического реформизма, но был и выразитель последовательно-анархической точки зрения в вопросе о воспитании (в те времена анархисты охотно присосеживались к нам, коммунистам, и еще не делали ставки на оглушительное действие бомбы вроде той, которая впоследствии была подброшена в здание Московского комитета в Леонтьевском переулке). Наш анархист оказался очень темпераментным человеком и, лишь только кто-либо заикался насчет того, что следует дело воспитания ребенка поставить так-то и так-то, как он закусывал удила и в повышенном тоне требовал, чтобы самое слово воспитание не фигурировало в нашем лексиконе, ибо воспитывать—это значит насиловать природу ребенка, опутывать его свободную личность тенетами надуманной педагогической системы и т. д., и т. д. Легко себе представить, что при таких разноречиях в нашей «реформистской» комиссии первого призыва вопрос «что делать» в области реформы школы обещал испытать судьбу того воза в басне Крылова, в который впряглись лебедь, рак и щука.

Вскоре—очень кстати—произошел перерыв в нашей работе. Наркомпрос перебрался в Москву, а я с В. М. Познером отдали дань своей гражданской потребности побывать в некотором роде на фронте начинавшейся борьбы с зашевелившимися империалистами. Тов. Подвойский направил нас на ст. «Дно» задержать стихийный процесс ликвидации богатейших интендантских складов, которые могли подвергнуться разграблению при наступлении на этот пункт немцев со стороны Пскова. Но приблизительно через месяц—полтора мы уже снова были в Наркомпросе на своих постах. Я попрежнему взял на себя задание по организации отдела реформы школы.

На этот раз к разработке вопросов по реформе школы удалось привлечь очень значительную группу компетентных педагогов, ученых и практиков, заинтересовавшихся постановкой наших вопросов, в самом же отделе подобралась кучка молодых и талантливых работников (О. Л. Вольберг, Арманд и др.), и работа закипела. При отделе реформы была образована совещательная коллегия из двух—трех десятков авторитетных педагогов, причем эта коллегия в свою очередь разбилась на ряд подкомиссий, ведущих подготовительную работу реформы и ставящих перед собой все более и более конкретные задачи, определявшие реальное содержание нашей реорганизаторской работы. Проблема вставала за проблемой, и уже через $1^1/_2$—2 месяца работы нового отдела стали вырисовываться контуры новой школы. Школа светская, совершенно свободная от всяких остатков религиозного культа и веро-

учений, с совместным обучением детей обоего пола и без каких бы то ни было подразделений по признаку социального положения,—такова была исходная точка наших теоретических настроений. Затем отдел признал, что школа должна быть единой. Это означало, что 1) мыслили общеобразовательную школу монистической в смысле единства типа ее с определенным об'емом минимума знаний; 2) единая школа должна была иметь в своей основе принцип единства целей и задач, группирующихся около двух центров тяжести—воспитания гармонически цельной личности и приспособления ее к тем задачам строительства новой жизни, которые развертываются в перспективе самоопределения пролетарского социалистического государства.

Наконец, в наше понятие единой школы входил еще признак установления органической связи между отдельными ступенями школы и беспрепятственного перехода учащихся из одной ступени в другую.

Но наибольшую сумму внимания отдел уделил разработке принципа трудовой школы. В основу этого последнего понятия были положены идеи, которые были следующим образом формулированы в моей речи на I Всероссийском с'езде союза учителей интернационалистов (3 июня 1918 г.) [1]:

«1) Раннее соединение производительного труда с преподаванием является могущественным орудием преобразования современного общества.

2) Техника современного производства требует всестороннего развития индивидуума, обладающего способностью к труду и политехнической подготовленностью к разнообразным видам производства. Поэтому общеобразовательная школа должна иметь характер политехнической школы. Специализация же и профессионализм выносятся за пределы общеобразовательной школы и являются задачами высшей школы или внешкольного образования.

3) Физический труд должен быть обязательным элементом школьной жизни; все дети в школе должны принимать участие в производительном труде. Для учащихся должны быть очевидны общеполезные результаты этого труда, имеющего целью или непосредственное создание полезных потребительных ценностей (главным образом для их же школы), или производство полезной работы, лишь в конечном счете создающей материальные блага, напр., заботы о чистоте, о гигиенических условиях жизни в школе и т. п.

4) Школа имеет характер производительной коммуны, т.-е. производительно-потребительнного коллектива, в основу которого положены следующие принципы, имеющие существенное значение в деле социального воспитания детей: а) начало школьного самоуправления и коллективного самоопределения детей в процессе умственной и физической работы; б) принцип самообслуживания детьми всех собственных нужд;

[1]) См. «Сборник Всеросс. союза учителей-интернационалистов», № 1. Июль 1918 г.

в) организация общественного умственного труда (научные общества, журналы, коллективные работы и пр.).

5) Трудовая школа должна давать полный простор свободному развитию творческих сил ребенка. В виду этой цели он должен быть окружен такой питающей его духовные и физические силы средой, при наличности которой все стороны его духа и тела могли бы получить наиболее полное гармоническое развитие; кроме того, не должна отсутствовать и сумма таких условий, которые бы способствовали выявлению на общем деле развития личности ее индивидуальных способностей. Существенными предпосылками свободного воспитания являются: а) самодеятельность детей во всех областях школьной жизни, их самостоятельность и инициативность в работе, самостоятельность в деле ознакомления их с обыденной жизнью (личный жизненный опыт); б) эвристический метод, как способ стимулировать творческую работу ума ребенка; в) художественная активность, как главный момент эстетического развития ребенка, превалирующий над моментом пассивных эмоциональных процессов в его духовной жизни.

6) Методы воспитания и образования детей изменяют свой прежний характер в соответствии с новыми задачами трудовой школы. Главным центром внимания в деле образования детей должен быть общественный человек и общественный труд: прежде всего—в настоящее время, затем—труд в прошлом человечестве и, наконец,—проблемы труда в предполагаемом будущем. Должна существовать органическая непосредственная связь между образовательной умственной работой в школе и моментом производительного труда, причем для младших возрастных групп детей эта связь должна проходить красной нитью через все преподавание, и производительный труд на низших ступенях школы должен быть постоянно действующим фактором умственного развития детей и стимулирующим источником для теоретических запросов ума ребенка.

Все преподавание ведется в полном соответствии с данными психологии, физиологии и педагогики и в частности—в направлении от известного к неизвестному, от конкретного к абсолютному».

Такова была приблизительно декларативная часть выявленной отделом платформы. Но уже тогда было совершенно ясно, что наши desiderata (желаемое) не скоро еще станут законом жизни. Трудно, напр., было рассчитывать на то, что общедоступная единая школа во всем об'еме общеобразовательного курса скоро станет фактом действительности. Для всех нас было несомненно, что еще долгое время для широчайшей массы будут доступны лишь начатки образования, и поэтому для ближайшего будущего нужно было подумать о школьных ступенях с последовательными концентрами. В наших наркомпросовских сферах мнения разделились насчет ступеней. Некоторые мыслили себе общеобразовательную школу из трех ступеней; 1) трехлетки или четырехлетки начальной школы, 2) четырехлетки, соответствовавшей прежнему высшему начальному

училищу, и 3) еще четырехлетки, соответствовавшей последним классам средней школы.

Я очень тогда боялся, что выделение по этой схеме первой ступени с трехлетним курсом узаконит прохождение миллионов рабочих и крестьянских ребятишек только через простые школы грамоты с частыми затем случаями рецидивов безграмотности, и был поэтому сторонником варианта из двух ступеней, при чем прохождение курса в I ступени должно быть рассчитано на 5 лет. Как известно это мнение о большей целесообразности двух ступеней впоследствии восторжествовало и стало одним из основных пунктов положения о единой школе. Но победа эта нам, сторонникам двухступенчатой школы, досталась не легко.

Вообще каждое наше идейное достижение выкристаллизовывалось из тьмы противоречивых мнений. Напр., прежде чем педагогическая мысль нового учительства окончательно остановилась на идее политехнической общеобразовательной школы, очень много было споров о роли и значении для детского возраста профессиональной выучки. Сторонники профессионального образования, в предвидении того момента, когда государство должно будет сделать решительную ставку на индустриализацию страны, настаивали на том, чтобы уже в низшей школе учащийся приобретал необходимые для целей индустрии профессиональные знания. Большинство, однако, стояло на той точке зрения, что политехническое общее образование даст уже учащемуся известные трудовые навыки и будет достаточной предпосылкой для дальнейшей чисто-профессиональной выучки в соответствующей технической или высшей школе, а в тот период, когда подрастающий человек проходит общеобразовательную школу, втискивать его развитие в рамки профессиональной учебы означало бы искалечение его личности. В качестве компромисса принцип единой школы в конце-концов вылился в форму о так называемой бифуркации или даже полифуркации, т.-е. свободного выбора учащимся II ступени в последние два года той или иной отрасли знания с оттенком специальности, которая могла бы предопределить его дальнейшее профессиональное образование.

Были большие споры и по поводу вопроса о самообслуживании детьми собственных нужд. Так, напр., Надежда Константиновна не раз предостерегала против увлечения этим принципом, ибо на практике такое самообслуживание может вылиться в изнурительный, непосильный для детей и отнюдь не помогающий делу рационального воспитания труд по таскániю из печи тяжелых чугунов и т. п., но «ортодоксы» в области реформы твердо стояли на своем, доказывая желательность устранения института школьной прислуги.

В общем и целом, как это всегда или очень часто бывает в жизни, выработанные отделом проспекты реформы школы встретили неодинаковую оценку со стороны советских деятелей по просвещению. Поляризация мнений на этот счет произошла главным образом при обсуждении практической платформы—Положения о единой школе, в основу которого легли выношенные отделом реформы взгляды. Образовалось

два течения: «московское» и «петроградское». Это последнее упрекало московскую платформу в утопичности, подвергало решительной критике принцип «школы-коммуны», устанавливало приоритет за учебно-педагогической стороной в школьном деле—в противовес идеям москвичей об особенной роли производительного труда, как неот'емлемого условия и главного метода образования детей в трудовой школе, причем труд мыслился петроградцами как возможный источник гнета личности ребенка,—допускало разделение школьного управления на педагогический и хозяйственный советы и т. д., и т. д.

П. Лепешинский.

С'ЕЗД УЧИТЕЛЕЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ.

(1-й Всероссийский с'езд по просвещению в августе 1918 г.)

«Трудящиеся тянутся к знанию, потому что оно необходимо для победы».
(Ленин. Из речи на с'езде.)

I.

Впервые за всю историю человечества победа пролетариата над эксплоататорами создала условия, когда знание и просвещение из привилегий богатых, из монополии господствующих превратилось в орудие подлинного освобождения самых широких масс трудящихся.

И, действительно, непосредственно после захвата власти пролетариат шаг за шагом овладевает силами и средствами старого общественного порядка, чтобы направить оружие знания на закрепление своей победы. «Одна из составных частей в той борьбе, которую мы сейчас ведем,—говорит вождь пролетариата на 1-м с'езде по просвещению,—дело народного образования» [1]).

На этом фронте необходимо было развернуть гигантскую борьбу за уничтожение духовного влияния буржуазии на трудящихся, за ликвидацию невежества масс—проклятого наследия прогнившего старого строя, за вооружение трудящихся техническими знаниями, за освобождение просвещенской армии от духовного подчинения ее буржуазно-соглашательскому «командному составу».

Какими же силами и средствами располагала молодая советская власть для разрешения всех этих выдвинутых перед ней жизнью громадных задач? И здесь мы сразу обнаружим, какая тяжелая, какая неблагоприятная обстановка сложилась именно на этом участке советского строительства, здесь именно мы найдем ключ для об'яснения медленности темпа наших достижений в области просвещения, но вместе с тем лучше научимся

---

[1]) Все цитаты по протоколам 1-го Всероссийского с'езда по просвещению. М. 1919. Литературными источниками для настоящей статьи, кроме протоколов 1-го с'езда служили: 1) Протоколы 1-го Всероссийского с'езда учителей Изд. ЦИК. М. 1918.

2) Сборник Всерос. союза учителей-интернационалистов, № 1. М. 1918.

3) Единая трудовая школа (доклады) П. Н. Лепешинского и В. М. Познера. Оттиск из протоколов 1-го с'езда.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Октябрьская революция и просвещение.

Н. Крупская. Ленин о просвещении и народном учителе 3
А. Луначарский. Как мы заняли министерство народного просвещения . . . 5
П. Лепешинский. На заре советского просвещения 9
В. Познер. С'езд учителей-интернационалистов 16
В. Шульгин. Как мы начинали работать. 24
Л. Менжинская. Первые шаги Норкомпроса 28

Наши достижения.

Н. Крупская. Пройденный путь. 33
Ф. Кипарисов. Всесоюзный учительский с'езд 36
Н. Крупская. Роль учительницы в раскрепощении работниц и крестьянок . 40
М. Пистрак. Школа на под'еме. 42
В. Шульгин. Достижения и перспективы. 47
В. Шульгин. Советы учат. 53
М. Виленская. Дошкольное воспитание и Октябрь 59
Н. Нечаев. Школа фабрично-заводского ученичества. 75
И. Огородников. Десять лет 84

Педагогическая печать до и после Октября.

В. Петрова. Журнал министерства народного просвещения. 94
А. Иоанисиани. Дореволюционные педагогические журналы 98
Ф. Кипарисов. Советская педагогическая книга и просвещенская печать за 10 лет 102

Заграничная печать о советской школе.

С. Марголина. Немецкие учителя о педагогической жизни СССР 108
М. Соболев. Французские учителя о советской школе. 115